
ОКТЯБРЬСКИЙ ПЕРЕЛОМ: ТРИУМФ И ПОРАЖЕНИЕ ЛЕНИНА

*Пантин Игорь Константинович
— д.ф.н., профессор, институт
философии РАН.*

Разумеется, люди, даже такие выдающиеся как В.И. Ленин, не являются чудодейственными творцами нового, того, что общество не могло бы создать без их участия.

В этом смысле русская революция — не творение Ленина и большевиков. Но не следует забывать, что в критические, переломные моменты истории, когда переплетение антитетических условий требует изменения стратегии действий политических сил, выдающиеся личности, талантливые, героические или преступные, способны сказать свое *решающее* слово. Идеиная эволюция Ленина как политика непосредственно вплетена в ткань тогдашних событий, борьбы, которая привела к Октябрьскому перевороту. Но не забудем: осознание и ход событий далеко не всегда совпадают друг с другом, равно как и содержание исторической работы с ее осмыслением. Вот почему исследователь, чтобы не впасть в идеологическую односторонность, обязан различать (а иногда и разводить) *осознание* большевиками смысла их действий и действительный *характер* задач, вставших перед революцией, отделять в своем анализе идеологию переворота от реальной практики. Особенно это важно, когда речь идет о вожде революции: он сам, его понимание момента и выработанная им тактика являются составной частью совершающегося события

Либеральная, демократическая, монархическая публицистика у нас (хотя не только она) в последние два десятилетия немало потрудились над тем, чтобы привить широкой публике заблуждение, будто не представляет особых трудностей выразить огромный запутанный комплекс исторических явлений, получивший название «Октябрьской социалистической революции», в простых и очевидных понятиях («авантюра», «бланкистский переворот в немецких интересах и на немецкие деньги», «еврейский заговор» и т.п.). И уж тем более простой и очевидной ей представляется роль Ленина — идейного вдохновителя и вождя этой революции («демагог», «кровавый диктатор», «разрушитель культуры» и т.п.). Русская пословица гласит: «Простота хуже воровства». С приведенными выше оценками Октябрьской революции и роли в ней Ленина полемизировать не имеет смысла — они родом из мещанской антикоммунистической риторики, не имеющей ничего общего с наукой. Более содержательной по смыслу имеет полемика с традицией рассматривать октябрьский перелом как *социалистическую* по своему характеру революцию. На наш взгляд, проблема определения характера Октябрьской революции неизмеримо сложнее, чем это представлялось многим сторонникам социализма, включая Ленина, а сегодня и его противникам.

Когда-то в молодости Маркс попытался сформулировать свое понимание которое должно быть установлено» и не как «идеал, с которым должна соотноситься действительность», а как «действительное движение, которое уничтожает теперешнее состояние»¹. Думается, в этом и только в этом смысле («движение, которое уничтожает теперешнее состояние») пролетарский политический переворот 1917 г., положивший начало социальной революции в России, можно назвать социалистическим. На самом же деле сдвиг, который произошел в результате Октябрьского переворота, не укладывается в рамки «только» социалистических преобразований. Социальный вопрос в России был неизмеримо шире, чем освобождение пролетариата, и включал в себя аграрную проблему, национальный вопрос, индустриализацию, изменение соотношения разных социально-экономических укладов, типа власти, культурный подъем населения и т.д., и т.п. Характер его определялся не столько противоречиями пролетариата и буржуазии, хотя и ими тоже, сколько конфликтом разных форм и средств приобщения страны к современной (естественно, в тогдашнем понимании) цивилизации, различием способов завоевания основных предпосылок развития страны. В процесс изменения было втянуто все политическое, экономическое и духовное пространство России, он был и сложен, и многомерен. Вот почему ни капитализм сам по себе, ни строительство социализма как таковое не выражают специфики октябрьского (1917 г.) и постоктябрьского периода.

Октябрьский перелом, что бы о нем ни говорили сегодня, стоит у истоков рождения современной России, нащупывающей свой «естественный» путь развития. С этим трудно спорить. Вопрос, который нуждается в ином, чем принято, ответе, заключается в том, *какие задачи* стояли перед Россией, *каков характер изменений*, внесенных этой революцией в общественно-экономическую жизнь народов нашей страны. В наше время окончательно становится ясным, что ни одна из задач, к решению которых был призван октябрьский переворот 1917 г., не носил собственно социалистического характера. Хотим мы этого или не хотим, но Октябрьская революция была социалистической *только по идеологии и целям* руководящих групп, подержанных частью рабочего класса. Что же касается сознания и устремлений массовых слоев населения – рабочих и крестьян, то ни по уровню культуры, ни по политической зрелости они не могли стать сколько-нибудь сознательными субъектами социалистических преобразований. Но, главное, пожалуй, заключается в том, что по своему экономическому содержанию революция не могла выйти за буржуазные рамки.

Проблема России заключалась не в том, что капитализм исчерпал ресурсы развития – совсем напротив, он быстро рос в начале XX в., а в невозможности преодолеть с помощью такого роста старые, идущие от крепостнического прошлого и новые,

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Там же. Т. 3, с. 34.

связанные с особенностями буржуазного развития страны, социальные диспропорции и антагонизмы. Прогресс, который не переставал быть буржуазным по своему экономическому содержанию, оказался невозможным в качестве «буржуазной меры» (Ленин). Создать условия для появления свободных земледельцев, завершить вековой сор миллионов крестьян с дворянской (и сросшейся с ней буржуазной) Россией стало исторической миссией пролетарско-крестьянской революции во главе с большевиками. Другое дело, завоевать эти более высокие условия прогресса в России оказалось невозможно, не затронув в ходе революции как первичные, так и более высокие формы капитализма.

На этой посылке строилась стратегия Ленина и большевиков, которая в октябре 1917 г. привела их к победе. Впервые в мировой истории государственная власть оказалась в руках рабочего класса и его партии, открыто провозгласивших курс на социалистические преобразования. Разумеется, Ленин и русские коммунисты отдавали себе отчет в том, что в отсталой России экономических и культурных предпосылок для перехода к социализму не так много. Но ведь за русской революцией, уверены были они, стоял социалистический пролетариат Европы, готовый выполнить свой интернациональный долг и развить, продолжить дальше дело русских рабочих. Не «галльскому петуху» (французским рабочим), как думал Маркс в 1870-х г.г., а русскому пролетарию, казалось большевикам, было суждено разбудить европейских рабочих и поднять их на «последний и решительный бой» с буржуазией. И это не было пустой фантазией: падение Варшавы, случись оно в 1920 г., открывало бы революции путь на Запад. Однако ход событий разбил эти надежды и ожидания. В начале 1920-х г.г. общеевропейский политический кризис, вызванный первой мировой войной и революцией в России, миновал. Буржуазным режимам удалось нанести поражение пролетарскому авангарду. Становилось очевидным, что та историческая ситуация которая поставила в порядок дня вопрос о социалистической альтернативе капитализму, исчезла, а вместе с ней надежды большевиков на пролетарскую революцию на Западе. Пришлось признать неопровержимый факт: пролетарский переворот в России оказался не в состоянии вызвать к жизни цепную реакцию революционных перемен в капиталистическом мире. Первая пролетарская революция осталась наедине с собой, с проблемами отсталой России, имевшими мало общего с социализмом, окруженная со всех сторон капиталистическими государствами

Сам Ленин непосредственно после свершившегося в октябре 1917 г. переворота очень осторожно высказался о его социалистическом содержании. Для него социалистический компонент переворота означал «радикальный аграрный переворот и обобществление, ограниченное «командными высотами» в народном хозяйстве, экономический контроль над мелкотоварной стихией, укрепляемый и корректируемый участием самой широкой народной массы (и рабочей и крестьянской) во власт-

вовании². «Госкапитализм» в сочетании в «государством типа Коммуны» - этот социально-политический сдвиг был бы не *введением* социализма, а движением к нему. Однако ход событий революции опрокинул эти ленинские наметки. Всеобщая национализация заместила концепцию «рабочего контроля», «командных высот». «Государство типа Коммуны» в условиях гражданской войны обернулось диктаторской властью аппарата управления. Продразверстка, вызвавшая недовольство крестьянства, сняла вопрос об участии во власти широких народных масс. Словом, ход событий привел к гражданской войне и политике «военного коммунизма», наконец, к пролетарской диктатуре как ответу на обострение ситуации. Шанс продвинуться к социализму, минуя якобинский террор, не осуществился.

Если попытаться ухватить источник противоречий большевизма, как идеологии и как политической деятельности, а, следовательно, и интеллектуального развития Ленина, выдвигаемых им идей и теорий, то его можно сформулировать, на наш взгляд, следующим образом: в *отсталой* стране («средне слабого» развития капитализма), - а именно такой была Россия в начале XX в. – *передовая* партия вынуждена была принять активное участие в *передовой* революции по раскладу политических сил, по задачам и размаху преобразований, но все же несоциалистической. Большевики овладели государственной властью, но овладели, используя слова Энгельса «в то время когда движение еще не достаточно созрело для господства представляемого им класса и для проведения мер, обеспечивающих это господство»³. Именно Октябрьский переворот и победа в гражданской войне явили большевикам глубокую пропасть, отделявшую их стремление к социализму от непосредственно окружавшей реальной действительности. Связанная доктриной и требованиями, вытекавшими – вновь используем слова Энгельса – не из данного соотношения классов, не из данного состояния условий производства и обмена, а из понимания общих результатов общественного и политического движения в передовых странах Европы, большевистская партия оказалась вынужденной искать *якобинские* способы решения вставших перед страной задач, носивших в большинстве своем буржуазный характер. Такой ход событий предвидел П. Аксельрод, один из членов плехановской группы «Освобождение труда». Он писал еще в 1903 г.: «Если, как говорит Маркс по поводу Великой Французской революции, «в классически строгих преданиях римской республики борцы за буржуазное общество нашли идеалы и искусственные формы иллюзий, необходимые для того, чтобы скрыть от самих себя буржуазно ограниченное содержание своей борьбы», то отчего бы истории ни сыграть с нами злую шутку, облачив нас в идейный костюм классически-революционной социал-демократии,

² См.: *Гегфтер М.Я.* Из тех и этих лет. М., 1991, с. 251.

³ *Маркс К.Энгельс Ф.* Там же. Т.7, с. 422.

чтобы скрыть от нас буржуазно-ограниченное содержание нашего движения». ⁴ Правда, одного, и, пожалуй, главного, не учел, (не мог учесть) Аксельрод: «идейный костюм классически революционной социал-демократии», который примерил к себе российский пролетариат в 1917 г., подвинул его на союз с крестьянской беднотой, середняками в деревне, что обусловило не только глубину социального переворота, гигантский размах революционной борьбы народных масс, но и новый вектор исторического развития России.

Если оставить в стороне собственно социалистические критерии, то мы должны рассмотреть пролетарское движение и Октябрьскую революцию 1917 г. в их исторической правомерности. Правомерность эта выходит за пределы аграрного переворота и свержения самодержавия. Фактически при всех ее колоссальных издержках революция совершила социальный переворот, уничтожила вековой антагонизм «белой» и «черной» кости, «барина» и «мужика», создала условия для культурного подъема «низших классов», дала сильнейший импульс экономическому и социальному развитию страны. Другое дело, что в силу жизненного положения, традиций народных масс («наинижайших низов», как выражался Ленин), от которых исходили преобразования, революция практически не затронула сферы государственности, не говоря уже о демократизации политической жизни. Тут дело не только в большевизме, но и в менталитете россиян. Историческое прошлое народов Западной Европы, богатое борьбой и уроками, создало тип современного гражданина, человека из народа, который сам относится к себе с известным уважением и которого вследствие этого вынуждены уважать господствующая власть и правящие классы. В России же многовековая работа самодержавия по искоренению всяких следов внутренней демократии в народе, чувства собственного достоинства у человека, произвол высших сословий, засилье чиновничества и бюрократии в повседневной жизни сформировали менталитет «простого человека»: рабочего, бедняка, мещанина, - чьими характерными чертами было ожесточение плебея, гражданская пассивность, безразличие к политике, униженность перед властью, долготерпение. И не случайно, никакого сознательного стремления народных масс создать новый политический организм в стране не существовало. Даже Советы, организация вышедшая из недр рабочего класса, оказались не в состоянии конституировать народное правление. Для большевиков же ограничение *их* власти, откуда бы оно не исходило (даже от Советов) было уступкой «стихийности, предательством интересов революции и социализма.

В контексте такого понимания значения и роли Октябрьской революции следует сказать о Ленине как зачинателе пролетарски-якобинской тенденции в освободительном движении России. Ленин не сразу приходит к идее якобинской партии. Ему пришлось преодолевать сопротивление товарищей по партии из лагеря меньшеви-

⁴ Аксельрод П. Искра. 1905, № 55, 15 декабря.

ков, считавших вслед за европейскими социал-демократами, якобинизм мелкобуржуазной идеей и практикой. либералов. В борьбе с меньшевиками у Ленина окончательно складывается представление о социал-демократической партии как партии якобинского типа. Людей, не соглашающихся с этим, он без колебаний объявляет оппортунистами. «Якобинец, неразрывно связанный с организацией пролетариата, сознавшего свои классовые интересы, это и есть революционный социал-демократ»⁵, - утверждает он в «Шагах». Надо сказать, что тема якобинства социал-демократии оказалась глубоко укорененной во взглядах Ленина. Накануне Октябрьского переворота он критикует Временное правительство за неспособность действовать по-якобински. В 1918 г. он называет большевиков «якобинцами XX века», добавляя при этом нечто нелепое – «якобинцы без гильотины». Наконец, вся политика «военного коммунизма» была попыткой прорыва в будущее с помощью якобинских мер и средств. Стоит ли после этого удивляться непониманию партий сути нэпа

В этом пункте следует поподробнее сказать о понятии якобинизма. Думается, глубже всего историческая роль якобинцев во Французской революции конца XVIII в. была раскрыта в «Тюремных тетрадах» А. Грамши. Он определяет якобинцев, прежде всего, как партию, которая толкала массу народа, в том числе и буржуазию, «на позиции более передовые по сравнению с теми, которые пожелали бы занять решительные на первых порах группы буржуазии и даже значительно более передовые по сравнению с теми, которые были возможны благодаря историческим предпосылкам». Их метод заключался в форсировании событий, но в особенности в «создании положения непоправимых совершившихся фактов». Именно решительные действия якобинцев, по его мнению, не позволили попасть французской революции в ловушки, расставленные старыми силами. Якобинцы, по Грамши, «противятся всякой промежуточной остановке революционного процесса и посылают на гильотину не только элементы старого общества, которое не хочет умирать, но даже вчерашних революционеров, ставших сегодня реакционерами». Вот почему они «представляли не только непосредственные нужды и стремления французской буржуазии, но и революционное движение в целом как единый исторический процесс, потому что они представляли интересы будущего...»⁶. Думается, что большевики с их политикой насильственного развязывания энергии народных масс с тем, чтобы сделать их союзниками рабочего класса, с их «подталкиванием» разных групп и классов на позиции более передовые, чем это позволяли исторические условия, с беспощадностью по отношению к врагам революции и колеблющимся элементами как раз и были *российскими якобинцами*. То, что их идеология была социалистической, не меняет дела: в политической жизни следует проводить различие между идеологией партий и их действи-

⁵ Ленин В.И. Там же. Т. 8, с. 370.

⁶ Грамши А. Собр. произв. в 3-х т. Т. 3, с. 363-365.

тельной природой, представлениями о себе и реальной сущностью их политики.

Ленин был представителем как раз якобински-ориентированного марксизма – теории, побуждавшей российскую социал-демократию к революционному действию, направленному на создание нового равновесия сил, опираясь на решимость и волю рабочего класса (или, по крайней мере, части его), которому суждено, согласно Марксу, руководить всеми активными силами угнетенных и обездоленных и осуществить переход к социализму. В то время, когда определение «марксистский» стало звучать в странах Западной Европы все более общо и расплывчато, «революционный марксизм» оставался для Ленина символом веры и руководством к действию. Однако при всем уважении к марксизму (к «духу марксизма», подчеркивал Ленин) ему удалось развить самостоятельным и оригинальным способом преимущественно якобински-революционные его аспекты – учение о гегемонии пролетариата, о партии «нового типа», идею диктатуры пролетариата и пролетарского террора. Даже вынужденный двигаться самостоятельно – в последние годы жизни – Ленин не думает противопоставлять себя Марксу: просто на место марксизма, каким его представляла западная, «ортодоксальная» традиция, он ставит марксизм, учитывающий опыт России и стран Востока (см.: «О нашей революции»).

Как показало развитие большевизма в России, якобинизм нес с собой новые возможности борьбы за власть, превращая скрытое недовольство крестьянской массы нетерпимыми условиями жизни в открытое возмущение и восстание. В то же время он таил в себе и огромные опасности: организация пролетарских революционеров, захватившая рычаги власти, все меньше верит в способность народа к сознательному созидательному делу и все больше – в собственные бесконтрольные действия, в воспитательную силу расстрелов, концлагерей и т.п. Коренная идея марксизма – рабочий класс может освободить себя, лишь освободив все общество – превратилась в устах российских якобинцев, клявшихся в приверженности социализму, в пустой звук, поскольку политические свободы, формирование гражданского общества, самодеятельность народа они относили только к заключительному этапу борьбы – к коммунизму. К несчастью для народа нашей сираны насилие коренилось в исторических и социальных условиях России, в культуре, традициях, психологии ее населения. Именно они породили *возобновляемость* военно-коммунистических методов при каждом обострении противоречий в российском обществе, его неискоренимость, обусловившие формирование нравственных качеств и образа действий целой генерации большевиков, а также ту легкость, с которой Сталин одержал победу в партии – вопреки исходному началу революции.

Две тенденции – пролетарская и крестьянская, разных по характеру, по потенциам на короткое время слились воедино в борьбе с общим врагом – дворянской и сросшейся с нею буржуазной Россией. Пределом якобинской политики большевиков

стала весна 1921 г. Охваченные яростным недовольством продразверсткой, крестьянские массы в ряде губерний восстали против большевистской власти. Лозунг «Советы без коммунистов» стал знаменем этих выступлений (кронштадтский мятеж, антоновское восстание). В этих условиях большевики были вынуждены изменить свою экономическую политику. Замена продразверстки продналогом, а затем денежным налогом позволила выйти из хозяйственного тупика и резко сузить сферу насильственных средств по отношению ко всем трудящимся классам (недовольство выражали и рабочие) и к буржуазии.

Нэп, однако, нельзя понимать только как уступку крестьянству. В более широком смысле он вводил революцию в ее исторически законные рамки. То, что во Франции было сделано в результате свержения якобинской власти термидорианцами, в России стало вынужденной обстоятельством, но сознательно принятой победившей партией, политикой «самотермидоризации», которая не предусматривалась ни программой большевиков, ни их идеологией. Нэп явился стратегическим поворотом от методов Октября (и «военного коммунизма»), сводившихся к ломке старого общественно-экономического строя, к реформизму – введению рыночных отношений, оживлению торговли, предпринимательства, и последующему, по мере их оживления, государственному регулированию. Победившей пролетарской партии, располагавшей неограниченной политической властью, предстояло медленно, постепенно продвигаться вперед, завоевывая в области экономики, общественных отношений, культуры одну позицию за другой, делая завоеванное плацдармом дальнейшего продвижения. Революционно-якобинскую модель перехода к социализму предстояло преобразовать в еще не опробованную модель социалистического реформизма, что означало продвижение вперед на значительно более широкой основе, и обязательно вместе со всей массой мелких производителей, прежде всего крестьян.

Нэп поставил перед РКП(б) совершенно новую задачу – выработать политику пролетарской партии в крестьянской стране с незавершенным первоначальным капиталистическим накоплением. Впервые русские коммунисты оказались вынужденными делать то, что не предусматривалось никакой социалистической теорией – довершать историческую работу буржуазии по индустриализации страны, подъему агрикультуры в сельском хозяйстве, реформированию народного образования, решению национального вопроса и т.п. В этих, коренным образом изменившихся условиях меняется политическое значение и смысл идеологии большевизма. Большевизм был правомерен, незаменим, когда речь шла о доведении до конца буржуазно-демократической революции в России: он связывал рабочий класс с широкими крестьянскими массами, организовывал отпор контрреволюционным силам, направлял энергию разрушения в исторически законное русло. Но когда была одержана победа в гражданской войне и на повестку дня были поставлены созидательные задачи

формирования нового сознания рабочего класса и его новой социализации, пролетарски-плебейские методы борьбы с имущими классами превращались в произвол, взяточничество и вымогательство со стороны советских чиновников. У простых людей не было легальных средств остановить это своеволие властей.

Нэп, разумеется, означал компромисс большевиков, рабочего класса с мелкобуржуазной, крестьянской Россией. «Компромиссом, - писал Ленин, - называется в политике уступка некоторых требований, отказ от части своих требований в силу соглашения с другой партией»⁷. Компромисс не исключает борьбы, он просто переводит эту борьбу в мирные формы, где момент соглашения и сосуществования преобладает над моментом взаимоисключения. Но именно компромисс, как форма разрешения противоречий, менее всего был привычен для народных масс России и пролетарского авангарда. Веками все вопросы общественной жизни решались в нашей стране насилием, веками властвующие элиты не имели оппонентов своим действиям (а коль скоро они появлялись, их просто устраняли). И вдруг - соглашение, уступка, «отказ от части своих требований», компромисс с «недобитой буржуазией». Этого русские революционеры, тем более большевики, не могли ни понять, ни принять. Вот почему нэп так и не стал длительной стратегией экономического, а тем более социального развития России. При появлении первых серьезных затруднений в народном хозяйстве («ножницы цен», продовольственный кризис и т.п.) курс на рыночную экономику был свернут сталинским руководством. Страна вновь вернулась к методам «военного коммунизма».

На причинах неудачи нэпа и перехода к командно-административной системе следует остановиться особо.

Прежде всего нужно подчеркнуть, что перемена курса партии и новая модель экономического развития вызвала у массы партийцев и сочувствующих партии своего рода психологический шок. Конечно, ленинская идея «самотермидоризации» была новаторской и своевременной. Но Ленин не учитывал одного, как оказалось, главного обстоятельства: «самотермидоризация» не вытекала из логики развития большевизма как практики и теории, а была навязана большевикам под угрозой свержения их власти. То, что для Ленина выступало как учет исторического опыта Европы в новых условиях, новой точкой зрения на социалистическую перспективу России, то для массы партийцев оборачивалось лишь одной стороной – отступлением. И это обстоятельство не было случайностью. Идея социального освобождения и до октябрьского переворота 1917 г. отличалась у российских рабочих упрощенностью. Годы гражданской войны еще более усугубили дело. В сущности, социалистический идеал сводился для них к социальному равенству (на деле – уравнилельности), которое должно быть осуществлено наперекор всем препятствиям «здесь и

⁷ Ленин В.И. Там же. Т. 34, с. 133.

сейчас», путем насильственной ликвидации «буржуев», шире, всех зажиточных слоев населения России. Надо ли удивляться, что нэп казался большинству партии только «передышкой», вынужденным отказом от социалистических принципов, отступлением, которое они должны были остановить, когда для этого появятся условия, а не стратегическим курсом «всерьез и надолго», чему в итоге пришел Ленин. Надо ли удивляться, что российским пролетариям, как когда-то санкюлотам, применение насилия во имя приближения лучшего будущего казалось чем-то органически свойственным строителям нового общества. К тому же они привыкли к стихии насилия во время недавней гражданской войны, где действия обеих сторон отличались исключительной жестокостью и невиданным упорством. И вот теперь, после победы над буржуазией им предлагали кардинально иной путь развития: рыночная экономика со свойственной ей неравенством, призыв учиться хозяйствовать у побежденной буржуазии, сочетание товарного хозяйствования с гибким государственным регулированием, привлечение иностранного капитала и т.п. То, что нэп стал прогрессом для страны, с этим спорить было трудно после периода голода и разрухи, но у рабочих и крестьянской бедноты были все основания не считать этот прогресс *своим* прогрессом.

Предчувствуя непонимание партийцами смены вех, Ленин предупреждал в статье «О значении золота теперь и после полной победы социализма» (1921): «Настоящие революционеры погибли (в смысле не внешнего поражения, а внутреннего провала их дела) лишь в том случае, - но погибли наверняка в том случае - если потеряют трезвость и вздумают, будто «великая, победоносная, мировая» революция обязательно все и всякие задачи при всяких обстоятельствах во всех областях действия, может и должна решать по-революционному»⁸. (Т. 45, с. 381.). Если оценивать это предупреждение Ленина с политической теории, то оно означало одно: никакого абсолютизирования средств революционного насилия, необходимость смены тактики и стратегии при каждом крупном повороте событий, на каждом этапе развития освободительной борьбы рабочего класса. Надо сказать, что эти предупреждения Ленина не возымели действие, а, следовательно, «внутренний провал» » дела Октября стал неизбежным. Вехами нарастания опасности служили и несогласие Сталина с Лениным по национальному вопросу и полное непонимание (нежелание понять?) последних работ Ленина руководством партии, и отказ делегатов XIII съезда РКП(б) выполнить волю умершего вождя относительно перемещения Сталина с поста генсека, и разразившаяся вскоре борьба внутри ЦК, и многое другое.

И все-таки причины неудачи нэпа вряд ли можно свести к психологии членов большевистской партии. Его истоки гораздо глубже

Как отмечалось выше, многие характеристики общественного развития, а тем бо-

лее формы политического действия не могут быть даны исследователю (соответственно классу, партии) до начала революционных преобразований. Они проявляются, становятся очевидными по мере продвижения революции вперед. Большевикам в России, отмечал Ленин, надо было сначала взять власть, «ввязаться в бой», чтобы увидеть «такие детали (с точки зрения мировой истории это, несомненно, детали), как Брестский мир или НЭП и т.п.»⁹. Если продолжить эту мысль Ленина, то придется признать, что социальный переворот выявил и такую важную «деталь», российской истории как господство в массе народа комплекса «деревенской культуры» В. Пастухов) – мелкобуржуазной, анархической, рваческой. Нарушение соотношения двух культур – городской и деревенской, перекося в сторону «деревенской культуры» таили в себе громадную опасность для судеб развития страны, которая усугублялась двоякого рода обстоятельствами. С одной стороны, победа революции обнаружила неготовность рабочего класса к политической и культурной гегемонии в ее государственной фазе. Вчерашние выходцы из деревни городские рабочие по своей политической культуре, по жизненным установкам, по психологии, наконец, мало чем отличались от крестьянской бедноты. Гражданская война и хозяйственная разруха еще более обостряли ситуацию: о пролетариате как особом классе российского общества после победы революции можно было говорить только *cum grano salis*, условно. С другой стороны, гражданская война и массовая эмиграция буржуазных элементов, научно-технической и гуманитарной интеллигенции нанесла сильнейший удар по городским культурным слоям, «образованному обществу», как выражались раньше. Буржуазия была разгромлена, большая часть её бежала за-границу, статус культуры как таковой резко снизился, что привело к тому, что «культурный капитализм» в России некому было строить.

В этих условиях большевистское руководство очутилось перед трудной задачей удержать страну от сползания к хаосу мелкобуржуазной, крестьянской стихии, создать обстановку и условия, при которых «город» (в широком, социокультурном смысле, разумеется), городская культура вновь бы превратились в ведущий фактор общественной эволюции страны. Иностранные концессии, государственный капитализм, кооперирование деревни, развитие промышленности, культурная революция и т.п. – все это составляющие ленинской стратегии, призванной восстановить гегемонию города над деревней, городской культуры над деревенской. Правда, для Ленина они выстраивались в социалистическую перспективу – марксист даже в этих условиях брал у него верх. Эта несущественная, на первый взгляд, абберация политического сознания имела для судеб российского общества далеко идущие последствия. Десятилетие спустя решение этих задач будет объявлено «переходом к социализму», а предпосылкой такого перехода станут свертывание нэпа, форсированная индустриа-

⁹ Ленин В.И. Там же. Т. 44, с. 223.

лизация и насильственная коллективизация деревни. Сталинский вариант «ускорения истории» сомкнется с традиционным для России типом развития путем «революции сверху», когда власть, ломая прежние уклады жизни, *насаждает* новые отношения, сообразные, по ее мнению, требованиям «прогресса». Интересы развития страны при этом будут вырваны из сферы самостоятельности общества и противопоставлены ему в качестве предметов правительственной деятельности. По традиции, идущей от Октябрьской революции, новый строй, созданный такими средствами, назовут социалистическим, а террор против своего народа – «классовой борьбой»

Как выдающийся политик и организатор Ленин уловил некоторые важные пороки работы руководящих органов партии и государства, угадал и предвосхитил немало существенных сторон психологии аппарата победившей партии. Но каковы организационные меры, которые он предлагал в качестве инструментов совершенствования деятельности партийных и советских органов? Главные из них – улучшение состава ЦК партии за счет включения в него рабочих от станка и крестьян от плуга – удивительное по современным меркам решение, - превращение Пленумов ЦК в высшую систематически работающую инстанцию, образование ЦКК – РКИ с функциями контроля над всеми органами государственного аппарата, придание руководству нового органа прав, равных правам ЦК. Другими словами, были намечены реформы преимущественно внутрипартийного порядка (которые касались лишь верхушки правящего слоя). Что же касается преобразований, способных породить в народе политическое сознание – необходимое условие формирования современной демократии – то они не предусматривались даже в перспективе. Впрочем, ни о какой демократии речь идти не могла: политическая власть народных масс была сведена к фикции – Съездам Советов, в которых доминировали большевики.

Революционная партия, поднявшаяся к вершинам власти, ни перед кем не несла ответственности. «Диктатура пролетариата» в этих условиях не нуждалась больше в одобрении масс – она стала властью *для* народа, но отнюдь *не посредством* народа. Все было подчинено сохранению власти партии, которая становилась партией-государством. Политическая борьба понималась ими только как применение грубой силы, высокомерие победивших якобинцев, страх перед внутренней и внешней контрреволюцией толкали их на подавление любого инакомыслия, любой вспышки недовольства. Чего стоит, например, высылка из России на Запад большой группы интеллектуалов, расстрел ЧК – с согласия Ленина - поэта Н. Гумилева, физическая расправа с тысячами «бывших», «разказачивание», стремление во что бы то ни стало дискредитировать церковь и т.п. Все это свидетельствует о том, что отход от якобинизма в политике проходил у Ленина тяжело, со срывами и отступлениями назад. Даже поворачиваясь лицом к новым общественным потребностям, он по-прежнему мыслит политическое действие только сверху вниз, но никогда наоборот. Наконец, в условиях, когда понятие «социалистический» начинало уже звучать по-иному, Ленин

больше всего беспокоится о сохранении «единства партии», закрывая глаза на то, что такого рода единство означает исчезновение свободы мнений внутри партии, любого достойного противодействия руководству, любой попытке мыслить самостоятельно. И это в период, когда поиск ценностей, которые бы сменили слепую веру во всесилье якобинских рецептов, становится условием продвижения партии вперед, залогом ее превращения в партию демократических и социалистических реформ.

Надо ли удивляться после этого столь легкой победе якобинской тенденции в партии, отмене нэпа как концепции постепенного, через рынок, перехода к социализму, «ликвидации кулачества как класса» и переходу к насильственной коллективизации сельского хозяйства? Сталинское большинство украсит себя именем ленинцев и будет объяснять чудовищный террор в терминах «марксизма-ленинизма». Самостоятельное движение рабочего класса окажется прерванным. Сформируется советское государство, пролетарское (или «общенародное») по названию, но антидемократическое и эксплуататорское по существу. Плебейская часть народа воспользуется ситуацией и создаст себе прочные позиции в государственном аппарате. Российский социализм сведется к огосударствлению производства, общественной жизни и культуры, к тоталитаризму.

В России в начале XX в. сложилась спрогнозированная в свое время Марксом ситуация, когда рабочий класс поручил возможность осуществить движение и «в своих собственных интересах» (Маркс), и в интересах большинства населения страны. Историческая перспектива, открывавшаяся в этом случае перед страной потребовала от русских марксистов решительного переосмысления теории и практики социал-демократических партий Западной Европы, и, прежде всего, того понимания буржуазных революций, которое было сформулировано самими Марксом и Энгельсом. Главный пункт ленинской концепции революции – возможность перевода общественного развития России, где уже ясно обозначилась, но еще не восторжествовала вполне тенденция капиталистического развития, на другие рельсы путем вовлечения в процесс социальных изменений новых сил, прежде всего, крестьянства. При этом расширению состава сил способных к борьбе, означало открытие нового типа буржуазной эволюции, альтернативного существующему («американский» путь развития в противовес «прусско-юнкерскому»), обоснование руководящей роли рабочего класса в русской революции, наконец, переформулировку проблем и самой задачи марксистской теории революции. В конечном счете, эта задача стала звучать так: выявить объективную необходимость отклонения буржуазного пути России от европейской «нормы», учесть, свести воедино все, что историческая особая действительность страны вносит нового в буржуазные преобразования, совершающиеся на ином, более высоком исторической витке, включая в «особое» и деятельность людей, вступивших в борьбу за переделку этой действительности.

Октябрьская революция коренным образом изменила политическую ситуацию в стране. и значение большевизма.

В определенном смысле Октябрьский переворот вытекал из ленинской концепции гегемонии пролетариата в русской буржуазной революции, хотя власть рабочего класса никогда не провозглашалась в ней целью, непосредственной политической задачей революции. Но теперь, начиная с октября 1917 г., гегемония переходит в более высокую и самую трудную фазу – *государственную*, когда российскому рабочему классу предстояло создать новый, пролетарский аппарат управления страной и обеспечить свое политическое и культурное доминирование в обществе. Необходимость насильственных мер для подавления сопротивления буржуазии и гражданская война позволяли до поры до времени скрывать неразработанность теории большевизма в этой области и неготовность большевиков к государственной работе. Дело даже не в том, как правильно подчеркивают многие, что способ действий большевиков обогнал социально-экономический процесс – в последних своих работах Ленин будет доказывать возможность и необходимость для России, перехода к социализму с «другого конца». Проблема заключалась в другом: если захват власти Советами в чрезвычайных условиях осени 1917 г. был понятен для большинства и в определенном смысле правомерен как единственный выход из политического кризиса, то *удержание* во что бы то ни стало этой власти, а тем более «строительство социализма» путем усиления «классовой борьбы» означали развязывание якобинского террора, гражданскую войну, диктаторские методы управления. Страна была не готова к переходу к социализму, как не готов был к нему и пролетариат России. К тому же классовое насилие в новых условиях полностью теряло свой резон, якобинские средства уничтожали социалистическую цель. По-видимому, здесь берет свое начало трагедия русской революции и политическое поражение Ленина.

Нэп был вынужденной мерой пролетарской власти своего рода передышкой, периодом перегруппировки сил. Собственно говоря его, так и рассматривало большинство членов РКП(б) за исключением, пожалуй, Ленина и небольшой группы партийных интеллигентов. Но и они не представляли всей громадности поставленной нэпом задачи – *переоткрытия заново социалистической перспективы*. Должен был измениться сам тип движения к социализму. От установки на непримиримую классовую борьбу нужно было переходить к политике исторического компромисса, что много позже, спустя десятилетия, осознают итальянские коммунисты. От движения, понимаемого как достижение социальной однородности внутри страны, достигаемой за счет господства крупной промышленности в экономике и рабочего класса в общественной жизни, нужно было совершить переход к совершенно новому, никем не известному пути общественного развития – к многоукладности народного хозяйства и к сосуществованию экономических укладов в условиях рыночного хозяйства при регулирующей роли пролетарского государства. Разнообразие культуры и форм хозяйст-

воания становилось бы в этом случае фундаментальной нормой и условием общежития народов России. Не «подтягивание» страны до уровня одного, считающегося *передовым*, экономического уклада, а постепенное, шаг за шагом преодоление отношений капитализма во всех сферах общества и экономики, цивилизаторская работа с азов, заново открываемых азов, поиск такого единства основных классов российского общества, которое считалось бы со старыми и новыми различиями, наконец, возможность разным народам выбирать себя, свои формы движения к лучшему будущему - такого рода социалистическая перспектива противоречила не только военно-коммунистическим предрассудкам большинства членов РКП(б), значительной части рабочего класса и крестьянской бедноты., но и, главное, марксистской доктрине «индустриального социализма», которой придерживался Ленин, не говоря уже об условиях существования нового государства во враждебном внешнем окружении. Несколько переиначив Герцена, можно сказать: «эмбриогения» ленинской мысли вошла в противоречие с логикой «классического» марксизма. Интеллектуальный прорыв Ленина остался только его личным достижением. Впрочем, и сам Ленин всего лишь *начал* подходить к осмыслению иной, некапиталистической перспективы для России (не *пост*капиталистической и не *анти*капиталистической, а именно *не*капиталистической). Развить, расширить его догадки и предчувствия в России, не говоря уже о Западе, было некому. Победа Сталина в такой обстановке сначала становится возможной, а затем, после уничтожения ленинских кадров партии и неизбежной.
